ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2026–2027 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

I. [35 баллов] КОМПЛЕКТАЦИЯ БИБЛИОТЕКИ

1. [12 баллов] Онлайн-ресурс собирает книги, относящиеся к русской классической литературе, которые подошли бы иностранцам, желающим понять, как была устроена жизнь детей и подростков в России XIX века. Посоветуйте три реально существующих произведения, которые могут быть интересны иностранцу-современнику. Напишите имена авторов и названия произведений.
2. [23 балла] Опишите одно из этих произведений подробнее. Не пересказывая сюжет, расскажите о тематике и проблематике книги, главных героях, дайте характеристику жанру, опишите стиль автора. Постарайтесь определить, чем эта книга может быть интересна. Объём – около 250 слов.

Критерии оценки

1. За имя и фамилию автора – 2 балла. За название книги – 2 балла. Всего 12 баллов. Любая ошибка в названии или имени автора снимает 0,5 балла.
2.

Критерии оценки	**Баллы**
Продемонстрировано знакомство с текстом: названы герои, определены тематика и проблематика. Наличие/отсутствие фактических ошибок (при достаточном объёме текста и очевидном знакомстве с ним)	0–10
Описан стиль автора, а также жанр и/или форма произведения	0–8
Мотивированность обращения именно к этой книге	0–3
Общая грамотность: наличие/отсутствие речевых, стилистических, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок	0–2
Итого	23 балла

Всего за задание 35 баллов.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936)

БОЛЕСЬ

Один знакомый вот что рассказал мне: «Когда я был в Москве студентом, мне довелось жить рядом с одной из “этих”, – знаешь? Она была полька, звали её Тереза. Высокая такая, сильная брюнетка, с чёрными, сросшимися бровями и с лицом большим, грубым точно вырубленным топором, – она приводила меня в ужас животным блеском своих тёмных глаз, густым, басовитым голосом, извозчичьими ухватками, всей своей громадной, мускулистой фигурой рыночной торговки... Я жил на чердаке, и её дверь была против моей. Я, бывало, никогда не отворял моей двери, если знал, что она дома. Но это, конечно, случалось редко. Иногда мне приходилось встречаться с ней на лестнице, на дворе, и она улыбалась мне улыбкой, которую я считал хищной и циничной. Не раз я видел её пьяной, с осовелыми глазами, растрёпанной, улыбающейся как-то особенно безобразно... В таких случаях она говорила мне:

– Бывайте здоровы, пане студент! – и глупо хохотала, увеличивая моё отвращение к себе. Я бы съехал с квартиры, чтоб избавиться от таких встреч и приветствий, но у меня была такая миленькая комнатка, с широким видом из окна, и так тихо было в этой улице... Я терпел.

И вдруг, однажды утром лежу я на койке, стараясь найти какие-либо основания для того, чтоб не идти на лекции, – отворяется дверь, и эта отвратительная Тереза возглашает с порога басом:

– Бывайте здоровы, пане студент!

– Что вам угодно? – говорю. Вижу – лицо у неё смущённое, просительное... Необычное для неё лицо.

– Видите ли, пане, буду я вас просить об одном деле... уж вы сделайте мне его!

Я лежу, молчу и думаю:

“Подвох! Покушение на мою чистоту, ни больше ни меньше. Крепись, Егор!”

– Нужно бы мне, видите, письмо послать на родину, – говорит она, и так умоляюще, тихо, робко.

“Э, думаю, чёрт с тобой, изволь!” Встал, сел к столу, взял бумагу и говорю:

– Проходите сюда, садитесь и диктуйте...

Она проходит, осторожно садится на стул и виновато смотрит на меня.

– Ну-с, кому письмо?

– По Варшавской дороге, в город Свенцяны, Болеславу Кашпуту...

– Что писать?.. Говорите...

– Милый мой Болесь... сердце моё... Мой верный возлюбленный... Да сохранит тебя матерь божия! Золотое моё сердце... почему ты так давно не писал своей тоскующей голубке Терезе...

Я чуть-чуть не расхохотался. “Тоскующая голубка” двенадцати вершков роста, с пудовым кулачищем и с такой чёрной рожей, как будто голубка всю жизнь трубы чистила и ни разу не умывалась! Сдержался кое-как, спрашиваю:

– Он – кто, этот Болесть?

– Болесь, пане студент, – как будто обиделась она на меня за то, что я исковеркал имя. – Он жених мой...

– Жених?!?

– А чего же пан так удивился? Разве ж у меня, у девушки, не может быть жениха?

У неё, у девушки?!

– О, почему же! Всё бывает... А давно он ваш жених?..

– Шестой год...

“Ого-го!” – думаю я. Ну, написали мы письмо. Такое, я вам скажу, нежное и любовное, что я бы сам, пожалуй, поменялся местом с этим Болесем, если б корреспонденткой была не Тереза, а что-нибудь другое, поменьше её.

– Вот, спасибо вам, пане, за услугу! – говорит мне Тереза, кланяясь. – Может, и я могу вам чем послужить?

– Нет, покорно благодарю!

– А может, у пана рубаха или штаны в дырках?

Чувствую, что этот мастодонт в юбке вогнал меня в краску, и довольно резко заявляю, что не нуждаюсь в её услугах.

Ушла.

Прошло недели две... Вечер. Сижу под окном и свищу, думая, чем бы мне отвлечь себя от себя? Скучно, а погода скверная, идти никуда не хочется, и от скуки я занимался самоанализом, помню. Это тоже довольно-таки скучно, но больше ничего делать не хотелось. Отворяется дверь – слава богу! – кто-то пришёл...

– А что, пан студент не займется никаким спешным делом?

Тереза! Гм...

– Нет... а что?

– Хотела бы попросить пана ещё письмо написать...

– Извольте... К Болесю?..

– Нет, теперь уж от него...

– Что-о?

– О, глупая женщина! Не так я, пане, сказала, простите! Теперь уж, видите ли, нужно не мне, а одной подруге... то есть, не подруге, а... одному знакомому... Он сам не пишет... а у него есть невеста, как я же вот... Тереза... Так вот, может быть, пан напишет письмо к той Терезе?

Смотрю я на неё – рожа у неё смущённая, пальцы дрожат, путается чего-то – и... догадываюсь!

– Вот что, сударыня, – говорю, – никаких Болесей и Терез у вас нет, и всё это вы врёте. А около меня вам не обрыбиться, и в знакомство вступать я с вами не хочу... Поняли?

Она вдруг как-то странно испугалась, растерялась, начала топтаться на одном месте и стала смешно шлёпать губами, желая что-то сказать и ничего не говоря. Я жду, что из всего этого воспоследует, и вижу, и чувствую, что, кажется, немного ошибся, заподозрив её в желании совратить меня с путей благочестия. Тут как будто бы что-то другое.

– Пан студент, – начала она, и вдруг, махнув рукой, круто повернулась к двери и ушла. Я остался с очень скверным чувством на душе, слышу – у неё хлопнула дверь, громко так – рассердилась, видно, бабища... Подумал и решил – пойду к ней и, позвав её сюда, напишу ей всё, что там надо.

Вхожу в её комнату – вижу, она сидит у стола, облокотилась на него и голову сжала руками.

– Послушайте, – говорю...

...Всегда вот, когда я рассказываю эту историю и дойду до этого места, ужасно нелепо чувствую себя... такая глупость! Да-а...

– Послушайте, – говорю...

Она вскакивает с места, идёт на меня, сверкая глазами, и начинает, положив мне руки на плечи, шептать – вернее, гудеть своим басом...

– Ну, что ж? Ну? Так! Нет никакого Болеся, нет... И Терезы тоже нет! А вам что? Вам трудно поводить пером по бумаге, да?. Эх, вы! А ещё такой... беленький! Никого нет, ни Болеся, ни Терезы, только я одна есть! Ну, что ж! ну?

– Позвольте, – говорю я, ошеломлённый этим приёмом, – в чём дело? Болеся нет?

– Да, нет! Так что ж?

– А Терезы – тоже нет?

– И Терезы – нет! Я – Тереза!

Ничего не понимаю! Таращу на неё глаза, пытаясь определить, кто из нас сошёл с ума? А она ушла опять к столу, порылась там, идёт ко мне и обиженно говорит:

– Если вам уж так трудно было написать Болесю, то вот оно, ваше писанье, возьмите! А мне и другие напишут...

Вижу – в руке у меня письмо к Болесю. Ф-фу!

– Слушайте, Тереза! Что всё это значит? Зачем вам нужно, чтобы писали другие, если я вот написал, а вы его не послали?

– Куда?

– А к этому... к Болесю?

– Да его же нет!

Решительно ничего не понимаю! Оставалось только плюнуть и уйти. Но она объяснилась.

– Что же? – обиженно заговорила она. – Нет его, так и нет! – И развела руками, как бы не понимая – почему же это его нет? – А мне хочется, чтоб он

был... Разве ж я не человек, как все? Конечно, я... я знаю... Но ведь никому нет вреда от того, что я пишу ему...

– Позвольте – кому?

– Да Болесю ж!

– Да ведь его нет?

– Ах, Иезус-Мария! Ну что же, что нет, – ну? Нет, а будто бы есть!.. Я пишу к нему, ну, и выходит, как бы он есть... А Тереза – это я, и он мне отвечает, а я опять ему...

Я понял... Мне стало так больно, так скверно, так стыдно чего-то. Рядом со мной, в трёх шагах от меня живёт человек, у которого нет на земле никого, кто бы мог отнестись к нему любовно, сердечно, и этот человек выдумывает себе друга!

– Вот вы мне написали письмо к Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мне читают, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо от Болеся к Терезе... ко мне. Когда такое письмо мне напишут да читают, я уж совсем думаю, что Болесь есть. А от этого мне легче живётся...

...Да-с... Чёрт возьми!.. Ну, я с той поры аккуратно стал два раза в неделю писать письма к Болесю и ответ от Болеся – Терезе... Хорошо я писал эти ответы... Она, бывало, слушает их и ревёт... басом этаким ревела. И за то, что я вызывал у неё письмами к ней от воображаемого Болеся слёзы, она мне бесплатно чинила все дырки на носках, рубахах и прочем... Потом, месяца через три после этой истории, её посадили за что-то в тюрьму. А теперь она, наверное, умерла».

...Мой знакомый сдунул пепел с папиросы, задумчиво посмотрел в небо и закончил:

«Н-да-с... Чем больше человек вкусил горького, тем свирепее жаждет он сладкого. А мы этого не понимаем, облечённые в наши ветхие добродетели и глядя друг на друга сквозь дымку самомнения и убеждения в нашей всяческой непогрешимости.

Выходит довольно глупо и... очень жестоко. Дескать, падшие люди... А что такое падшие люди? Прежде всего – люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и те же нервы, как и у нас. Говорят нам об этом целые века изо дня в день. А мы слушаем и... чёрт знает как это всё нелепо! В сущности, сами-то мы тоже падшие и, пожалуй, очень даже глубоко падшие... в пропасть всяческого самомнения и убеждения в превосходстве наших нервов и мозгов над мозгами и нервами тех людей, которые только менее хитры, чем мы, хуже умеют притворяться хорошими, чем мы притворяемся... А впрочем, будет об этом. Так всё это старо... что даже совестно говорить...»

(1896)

Вариант 2

Евгений Абрамович Бунимович (род. 1954)

* * *

когда заасфальтировали небо
и были сразу решены проблемы
дождей и засух сельского хозяйства
и перенаселения земли

когда заасфальтировали небо
с учётом опыта классической работы
по преобразованию Европы
в прямоугольный треугольник *ABC*

помимо резких выступлений прессы
в защиту исторических названий
больших дискуссий по проблеме солнца
и воссозданью ускоренья g

нельзя не вспомнить об одном курьёзе
из тех что набираются петитом
рекордной многодневной голодовке
семьи производителя зонтов

(1980)

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёхбалльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятёрке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценки	Баллы
Понимание текста: последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	0–15
Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	0–10
Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	0–5
Итого:	40

Всего 75 баллов.